

ПИОНЕРЫ АА

Доктор Боб и девять мужчин и женщин, которые рассказывают свои истории в этом разделе, входили в число первых членов первых групп АА.

К настоящему времени все эти десять человек отошли в мир иной в силу естественных причин, оставаясь абсолютно трезвыми до конца своих дней.

На текущий момент у сотен других членов АА не было срывов вот уже более пятидесяти лет.

Всех их можно назвать пионерами АА. Они – живое доказательство того, что пожизненное освобождение от алкоголизма действительно возможно.

(1)

АНОНИМНЫЙ АЛКОГОЛИК НОМЕР ТРИ

Один из пионеров группы Акрона номер один – первой в мире группы АА. Он продолжал верить и потому, как и несчетное множество других людей, обрел новую жизнь.

Я родился на ферме в Кентукки, в округе Карлайл. В нашей семье было пять детей. Мои родители были людьми зажиточными, а их брак – счастливым. Моя жена, девушка из Кентукки, поехала вместе со мной в Акрон, где я окончил местную юридическую школу.

В некотором отношении мой случай довольно необычен. В моем детстве не было печальных эпизодов, которыми можно было бы объяснить мой алкоголизм. Похоже, у меня просто было природное пристрастие к выпивке. Я был счастлив в браке, и не было ни одной из тех причин, осознаваемых или нет, которые часто ведут к пьянству. Тем не менее, как явствует из моего рассказа, у меня все же развилась тяжелейшая форма алкоголизма.

Прежде чем пьянство окончательно меня подкосило, я добился значительных успехов в карьере. На протяжении пяти лет я был членом городского совета, а также управляющим по финансам в одном пригороде, позже присоединенном к городу. Однако, само собой, все это пошло прахом по мере того, как мой алкоголизм прогрессировал. У меня почти не оставалось сил.

Первый раз я опьянел в возрасте восьми лет. Мои родители в этом не виноваты, так как оба были яркими противниками пьянства. Двое наемных рабочих чистили амбар на нашей ферме, а я катался туда-сюда на санках и, пока они грузили, пил крепкий сидр из бочонка, что стоял в амбаре. После двух-трех таких погрузок им пришлось отнести меня в дом. Помню, отец держал дома виски для медицинских целей и удовольствия ради, и, когда поблизости никого не было, я, бывало, отпивал из бутылки, а потом доливал туда воды, чтобы родители не узнали.

Так продолжалось вплоть до моего поступления в университет нашего штата, и по прошествии четырех лет я осознал, что превратился в пьяницу. По утрам я просыпался с чувством тошноты и ужасно трясущимися руками, но на прикроватном столике всегда стояла фляжка со спиртным. Я дотягивался до нее, делал глоток, через несколько мгновений вставал, отпивал еще, брился, съедал свой завтрак, засовывал полпинты в карман брюк и шел на учебу. На переменах я бежал в туалет и выпивал достаточное для успокоения своих нервов количество, после чего шел на следующее занятие. Это было в 1917 году.

В конце последнего курса я бросил университет и поступил на службу в армию. В то время я называл это патриотизмом. Позже я понял, что просто бежал от алкоголя. В какой-то мере это действительно помогло, поскольку я оказался там, где нельзя было достать спиртного, и мое привычное пьянство прекратилось.

Потом в силу вступил сухой закон, и тот факт, что доступная выпивка была отвратительного качества, а иногда и смертельно опасна, а также моя женитьба и работа, о которой я должен был думать, года три-четыре сдерживали меня, хотя я напивался каждый раз, когда находил достаточно спиртного. Мы с женой вместе ходили в клубы, где играли в бридж, и там начали делать и подавать вино. Однако после двух-трех раз я пришел к выводу, что мне это не подходит, ведь подавали недостаточно, чтобы удовлетворить меня. Поэтому я стал отказываться от вина. Правда, скоро я отыскал решение проблемы, начав брать с собой бутылку и прятать ее в туалетной комнате или снаружи, в кустах.

Шло время, и мое пьянство прогрессировало. Я, бывало, по две-три недели не ходил на работу. В эти ужасные дни и ночи я валялся дома на полу, протягивал руку к бутылке, делал глоток и снова впадал в забвение.

В течение первых шести месяцев 1935 года меня восемь раз помещали в больницу и на два-три дня привязывали к кровати, прежде чем я мог осознать, где нахожусь.

26 июня 1935 года я очнулся в больнице. Сказать, что я был обескуражен – это ничего не сказать. Каждый из семи предыдущих раз я выходил отсюда с твердым решением больше не пить, хотя бы с полгода. Но у меня это не получалось, и я не знал, в чем дело и что мне делать.

В то утро меня перевели в другую комнату, где находилась моя жена. Про себя я подумал: «Ну, сейчас она скажет, что это конец». Я определенно не мог винить ее и не намеревался оправдываться. Жена сказала, что говорила на тему пьянства с двумя парнями. Я был очень возмущен, пока она мне не сообщила, что они – такие же пьяницы, как и я. Это было уже лучше.

Она заявила: «Ты бросишь пить». Хотя я ей не поверил, эти слова дорого стоили. Затем она сказала, что у тех двоих

пьяниц, с которыми она разговаривала, есть план, который, по их мнению, поможет им завязать, и, в соответствии с ним, они должны поделиться им с кем-либо, таким же, как они. Благодаря этому они останутся трезвыми. Все остальные, беседовавшие со мной, хотели помочь мне, и моя гордыня мешала мне слушать их, вызывая лишь чувство обиды. Но на этот раз я посчитал, что был бы настоящим подонком, если бы отказался немного послушать этих ребят, раз уж это поможет им. Кроме того, жена сказала, что им не нужно платить, даже если бы я захотел и имел для этого деньги, которых у меня не было.

Они вошли и начали знакомить меня с программой, которая позже приобрела известность как программа Анонимных Алкоголиков. Тогда же Сообщество еще только создавалось.

Я поднял глаза и увидел двух здоровенных парней выше шести футов ростом, очень приятного вида. (Позже я узнал, что это были Билл У. и Доктор Боб). Прошло немного времени, и мы начали рассказывать друг другу разные случаи, приключившиеся с нами из-за пьянства. Скоро я понял, что оба они знают, о чем говорят, потому что в пьяном виде ты видишь и чувствуешь то, чего не можешь в трезвом. Если бы я не подумал, что они не знают, о чем говорят, я бы вообще не захотел с ними разговаривать.

Через какое-то время Билл сказал: «Ну, ты долго говорил, теперь дай мне пару минут». Послушав меня еще, он повернулся к Доку и сказал ему (думаю, он не знал, что я слышу): «Знаешь, по-моему, он стоит того, чтобы мы его спасли и работали с ним». Потом они сказали мне: «Ты хочешь бросить пить? Нас твое пьянство не касается. Мы здесь не для того, чтобы отнять у тебя какие-либо из твоих прав и привилегий, а чтобы познакомить тебя с программой, которая, как мы считаем, поможет нам оставаться трезвыми. В соотве-

тствии с ней, мы должны предложить ее кому-нибудь еще, кто в ней нуждается и захочет ее принять. Так что, если ты не хочешь, мы не будем занимать твое время и найдем кого-нибудь другого».

После этого они спросили у меня, думаю ли я, что смогу завязать самостоятельно, без чьей-либо помощи – просто выйти из больницы и никогда больше не пить. Если я могу – чудесно, просто превосходно, и они бы восхитились человеком, обладающим такой силой. Но они ищут того, кто знает о своей проблеме и о том, что не может сам с ней справиться, и нуждается в помощи других. Затем они поинтересовались, верю ли я в некую Высшую Силу. С этим у меня все было в порядке, ведь я, на деле, никогда не переставал верить в Бога и много раз пытался воспользоваться помощью со стороны, но безуспешно. Наконец, они хотели знать, готов ли я обратиться к этой Высшей Силе и спокойно, без всяких оговорок, попросить о помощи.

Они оставили меня, чтобы я поразмыслил над этим. Лежа на больничной койке, я переносился в прошлое и вспоминал всю свою жизнь. Я думал о том, что со мной сделал алкоголь, об упущенных возможностях, о дарованных мне способностях и о том, как я впустую растрачивал их, и, в конце концов, пришел к заключению, что, если я и не хочу бросать пить, то мне определенно следует захотеть, и что я готов сделать все возможное, чтобы завязать.

Я был готов признаться самому себе в том, что опустился на самое дно, столкнувшись с тем, с чем не могу самостоятельно справиться. Итак, проанализировав все это и осознав, чего мне стоило мое пьянство, я обратился к Высшей Силе, которую понимал, как Бога, ничего не скрывая, и признался в своей полной беспомощности перед алкоголем и готовности сделать что угодно, чтобы избавиться от этой проблемы. Фактически, я признался в своем желании позволить Богу отныне и впредь

руководить моей жизнью. Я решил каждый день стараться выяснить, какова Его воля в отношении меня, и следовать ей, вместо того, чтобы вечно пытаться убедить Его, что выдуманное мной для самого себя – самое лучшее для меня. Поэтому, когда те двое вернулись, я сказал им об этом.

Один из них, кажется, Док, спросил: «Ладно, так ты хочешь завязать?» Я ответил: «Да, Док, хотелось бы, хотя бы на пять, шесть, ну, восемь месяцев, чтобы привести себя в порядок, начать снова завоевывать уважение жены и некоторых других людей, уладить свои финансовые дела и все такое». Оба от души рассмеялись и сказали: «Это лучше, чем твое нынешнее состояние, не так ли?» Разумеется, они были правы. Затем парни объявили: «У нас для тебя плохая новость. Она была плохой для нас, и, вероятно, для тебя тоже будет плохой. Сколько бы ты ни был трезвым – шесть дней, месяцев или лет, – если ты выпьешь хоть рюмку, то снова окажешься в этой больнице, и тебя опять привяжут к кровати, как было эти полгода. Ты – алкоголик». Насколько я помню, тогда я впервые призадумался над этим словом. Я считал, что я – просто пьяница. Но они сказали: «Нет, ты болен, и неважно, как долго ты обходишься без выпивки, потому что после одной-двух рюмок ты все равно очнешься здесь». На тот момент эта новость, естественно, заставила меня приуныть.

Потом они задали мне такой вопрос: «Ты ведь можешь не пить двадцать четыре часа, не так ли?» Я ответил: «Само собой, это любой может». Тогда они заявили: «Именно об этом мы и говорим. Каждый раз – только двадцать четыре часа». От этих слов я определенно почувствовал облегчение. Когда бы я ни начинал думать о пьянстве, я представлял себе предстоящие мне длинные, сухие годы без единого глотка спиртного; но эта идея о двадцати четырех часах, о которых мне следовало впредь беспокоиться, мне очень помогла.

(Здесь мы, редакторы, ненадолго вмешаемся, чтобы дополнить повествование Билла Д., того мужчины на больничной койке, рассказом Билла У.) Итак, вот что говорит Билл У:

«Девятнадцать лет назад мы с Доктором Бобом впервые увидели его (Билла Д.). Билл лежал на своей койке и удивленно смотрел на нас.

За два дня до этого Доктор Боб сказал мне: «Если мы с тобой собираемся оставаться трезвыми, нам лучше чем-нибудь заняться». И тотчас же позвонил в городскую больницу Акрона и попросил позвать к телефону медсестру из приемной. Он объяснил ей, что у него и еще одного человека из Нью-Йорка есть лекарство от алкоголизма. Нет ли у нее какого-нибудь пациента-алкоголика, на ком его можно было бы испытать? Давно знакомая с Бобом, она шутливо ответила: «Полагаю, Доктор, вы уже попробовали его на себе?»

Да, у нее был такой пациент – один франт. Он только что к ним прибыл, но успел подбить глаз двум медсестрам, и его привязали к кровати. Сгодится ли он им? Доктор Боб, прописав необходимые лекарства, приказал: «Поместите его в отдельную комнату. Мы придем, как только его рассудок прояснится».

Казалось, мы не произвели на Билла особого впечатления. С несчастнейшим видом он устало выдавил: «Хорошо, для вас, парни, это работает чудесно, но мне не поможет. Мой случай такой тяжелый, что я вообще боюсь выйти из больницы. И не стоит рекламировать мне религию. Одно время я был в церкви дьяконом и до сих пор верю в Бога. Но, по-моему, Он в меня особо не верит».

Тогда Доктор Боб сказал: «Ладно, Билл, может, завтра тебе будет лучше. Тебе хотелось бы снова нас увидеть?»

«Конечно, хотелось бы», – ответил Билл. – «Может, от этого и не будет никакого толка, но мне все равно приятно будет увидеть вас обоих. Вы явно знаете, о чем говорите».

Заглянув к нему позже, мы обнаружили, что к Биллу пришла его жена, Генриетта. Он живо указал на нас со словами: «Вот те парни, о которых я тебе говорил; они меня понимают».

Затем Билл поведал нам, что провел почти всю ночь без сна. В пучине депрессии каким-то образом родилась новая надежда. В его мозгу сверкнула мысль: «Если они это могут, я тоже могу!» Снова и снова он повторял это себе. В конце концов, надежда превратилась в убежденность. Теперь он был уверен в правильности решения, и его охватила огромная радость. Наконец, душа его наполнилась покоем, и он заснул.

Прежде чем мы их покинули, Билл внезапно повернулся к своей жене и сказал: «Принеси мою одежду, дорогая. Сейчас я встану, и мы пойдем отсюда». Билл Д. вышел из той больницы свободным человеком и никогда больше не пил.

В тот самый день возникла первая группа АА.

(Теперь – продолжение истории Билла Д.)

Два-три дня спустя после моего знакомства с Доком и Биллом я, наконец, принял решение препоручить свою волю Богу и стараться как можно лучше выполнять их программу. Их слова и действия вселили в меня некоторую уверенность, хотя и не абсолютную. Я не боялся, что программа не сработает, но все еще сомневался, смогу ли я ее придерживаться. Тем не менее, я пришел к заключению, что хочу этого и готов с Божьей помощью приложить к тому все усилия. И сразу же я действительно почувствовал огромное облегчение. Я знал, что у меня есть помощник, на которого можно положиться и который не подведет. Если я могу держаться за Него и слушать Его, я буду это делать. Помню, когда парни вернулись, я сказал им: «Я обратился к Богу и сказал Ему, что готов поставить Его царство на первое место, выше всего остального. Я уже сделал это и хочу снова сделать в вашем присутствии, и отныне я готов, не стыдясь, сказать это где и когда угодно». Это заявление опре-

деленно наполнило меня уверенностью, и у меня очень полегчало на душе.

Я также помню, что сказал им, что мне будет чудовищно трудно, потому что у меня есть и другие пороки – я курю, играю в покер, а иногда и на скачках. Они ответили: «Но ведь в настоящее время твое пьянство вызывает больше проблем, чем что бы то ни было, не так ли? Ты полагаешь, что будешь делать все возможное, чтобы излечиться от него?» – «Да», – вынужден был согласиться я, – «вероятно, буду». Тогда они сказали: «Давай забудем обо всем остальном, то есть не будем пытаться избавиться ото всех пороков сразу, и сосредоточимся на пьянстве». Разумеется, мы проанализировали довольно большое количество моих неудач и произвели некую моральную инвентаризацию. Это было не очень трудно, так как у меня было ужасно много недостатков, которые были для меня вполне очевидны. После этого они сказали: «Да, вот еще что. Тебе следует пойти и предложить эту программу кому-нибудь еще, кто в ней нуждается и захочет ее принять».

Само собой, на тот момент мой бизнес практически не существовал. У меня ничего не было. Естественно, довольно долго мое физическое состояние также оставляло желать лучшего. Год или полтора ушло на то, чтобы вновь почувствовать себя здоровым, и мне было не так-то легко. Но скоро я стал общаться с людьми, с которыми был когда-то дружен, и, прожив в трезвости совсем недолго, обнаружил, что они начали вести себя по отношению ко мне так же, как в прошлые годы, до того, как я стал плохим. Из-за этого я не придавал особого значения улучшению своего финансового положения. Большую часть своего времени я посвящал восстановлению этих дружеских связей и искуплению своей вины перед женой, которой я причинил много боли.

Трудно оценить, сколько благ дали мне АА. Я действительно хотел принять программу и жить в соответствии с ней. Я за-

метил, что другие, кажется, получают такие свободу и счастье, какие, по-моему, хорошо бы иметь каждому человеку. Я пытался выяснить, почему Я знал, что существует что-то еще, чего у меня нет. Помню, как однажды, через неделю или две после моего выхода из больницы, Билл гостил у нас и беседовал со мной и моей женой. Мы сидели за ланчем, и я слушал и старался понять, почему они чувствуют такую легкость. Билл посмотрел на мою жену и сказал: «Генриетта, Бог сотворил для меня такое чудо, исцелив от этой страшной болезни, что теперь я хочу просто говорить об этом с другими людьми».

Я подумал, что, наверное, нашел ответ. Билл был очень-очень благодарен за избавление от кошмара и приписывал эту заслугу Богу. Он был так благодарен, что жаждал рассказывать об этом людям. Это предложение – «Бог сотворил для меня такое чудо, исцелив от этой страшной болезни, что я теперь хочу просто говорить об этом с другими людьми» – золотые слова для АА и для меня.

С течением времени мое здоровье, естественно, начало восстанавливаться, и я стал человеком, которому не нужно вечно прятаться от людей, и это было просто чудесно. Я все еще хожу на собрания, потому что мне это нравится. Там я встречаюсь с людьми, с которыми мне нравится беседовать. Другая причина, почему я туда хожу, заключается в том, что я до сих пор благодарен за прожитые хорошие годы. Я так благодарен программе и живущим по ней людям, что все еще хочу посещать собрания. И потом, вероятно, самое чудесное, что я узнал в АА – я много раз видел это в журнале «Грейпвайн», люди говорили мне это лично, и я слышал это от выступающих на собраниях – это следующее утверждение: «Я пришел в АА только за трезвостью, но именно благодаря этому обрел Бога».

На мой взгляд, это – самое чудесное, что может сделать человек.